
Происхождение герменевтики и русские переводы Платона XIX в.

© 2019 г. Р.В. Светлов

Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 197046, ул. М.Посадская, д. 26.

E-mail: spatha@mail.ru

Поступила 21.03.2019

Автор статьи полагает, что в русской философии XIX столетия лишь в творчестве В. Розанова мы видим предпосылки философской герменевтики в собственном смысле этого слова. Для России того времени сама герменевтика была в первую очередь искусством работы с Библией. В словаре В. Даля дается такое толкование этого слова: «наука, объясняющая Священное Писание». Однако, по мнению автора, отечественное «литературоведение», в том виде, которое оно приобрело в XIX столетии, уже опиралось на антично-средневековую традицию герменевтики. В статье обосновывается мысль о том, что этот факт позволяет нам увидеть элементы философского подхода в рамках герменевтической деятельности значительно раньше Г. Шпета, М. Хайдеггера и даже В. Дильтея. Когда же отечественные ученые брались за труд по переводу классических философских текстов, то «литературоведческая» сторона их деятельности оказывалась не единственной. Она дополнялась рефлексией и над природой перевода, и над герменевтическими процедурами понимания. В статье в качестве примера такого рода концептуальной герменевтической работы анализируется наследие Василия Николаевича Карпова (1798–1867), переводчика трудов Платона, который четко выразил свое отношение к процессу перевода, прежде всего, в предисловиях к изданиям и во вводных статьях к отдельным диалогам.

Ключевые слова: литературная герменевтика, философская герменевтика, корпус текстов Платона, В.Н. Карпов.

DOI: 10.31857/S004287440006314-0

Цитирование: *Светлов Р.В.* Происхождение герменевтики и русские переводы Платона XIX в. // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 23–27.

Hermeneutics in Russia: Russian translations of Plato of the XIX century

© 2019 г. Roman V. Svetlov

Institute of Philosophy of Man, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 26, M. Posadskaya str., St. Petersburg, 197046, Russian Federation.

E-mail: spatha@mail.ru

Received 21.03.2019

The author of this article believes that in the Russian philosophy of the XIX century, only in the work of V. Rozanov do we see the premises of philosophical hermeneutics in the proper sense of the word. For Russia of the 19th century, hermeneutics was primarily the art of working with the Bible. The dictionary of V. Dahl gives such an interpretation of this word: “science that explains the Holy Scriptures”. However, according to the author, Russian “literary studies”, in the form that it acquired in the 19th century, was already based on the ancient medieval tradition of hermeneutics. The article substantiates the idea that this fact allows us to see the elements of the philosophical approach in the framework of hermeneutic activity much earlier than G. Shpet, M. Heidegger and even W. Dilthey. However, when Russian scientists of this century take up the work of translating classical philosophical texts, the literary side of their activity is not the only one. It was supplemented by reflection both on the nature of translation and on hermeneutic procedures of understanding. We give as an example of such conceptual hermeneutical work contributions of V.N. Karpov (1798–1867), who expressed his attitude to the translation process: first of all, in the preface to the publications and in the introductory articles to individual dialogs.

Key words: literary hermeneutics, philosophical hermeneutics, corpus of texts of Plato, V.N. Karpov.

DOI: 10.31857/S004287440006314-0

Citation: Svetlov, Roman V. (2019) ‘Hermeneutics in Russia: Russian translations of Plato of the XIX century’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2019), pp. 23–27.

Герменевтика как особое философское направление появляется в России далеко не с первых шагов истории отечественного философского разума. Чаще всего в качестве родоначальника рецепции герменевтики именно как философской дисциплины в России называют Г. Шпета. Возможно, правы и те исследователи, которые видят предпосылки собственно философской герменевтики в творчестве В.В. Розанова (вспомним название его первой книги – «О понимании»). Все остальные, обнаруживавшиеся в России XIX столетия, формы осмысления процедур понимания текста трактуются обычно как имеющие прямое отношение лишь к «герменевтической традиции», развивавшейся от Шлейермахера к Дильтею. Существенное различие между «традиций» и собственно «философией» видят в том, что для первой герменевтика это – метод, а для второй «понимающее отношение». Однако отечественное «литературоведение» XIX столетия, обращавшееся к антично-средневековой традиции, уже содержало в себе в рамках герменевтической деятельности элементы философского подхода. В нашем конкретном случае мы можем продемонстрировать наличие этих элементов в наследии В.Н. Карпова, замечательного переводчика текстов Платона.

Прежде всего, несколько важных уточнений. Античная «герменевтика» — это, конечно, не только филологическая критика, разработанная в Александрии, и не ино-сказательные толкования Гомера, появившиеся еще за 500 лет до н.э. Наиболее актуальная герменевтическая проблема для греческой культуры — толкование оракулов и тех явлений, который в горизонте античного сознания воспринимались как свидетельства о нуминозных силах. Для античного мира возможность предугадать судьбу — свою, рода, общины/полиса (в римское время — всей римской Республики) — была связана с человеко-божеской коммуникацией, осуществлявшейся через различные мантические практики. Недаром первой формой священных текстов в античном мире были сборники оракулов. И даже философы сознательно формировали герменевтический контекст восприятия своего творчества: достаточно вспомнить сочинение Гераклита, очевидно подражающее сборникам оракулов. Понимание этих афоризмов-прорицаний требовало особого «бодрствующего» состояния души, которое могло сформировать лишь философское самопознание. Однако античность, открывшая герменевтические процедуры и неоднократно подчеркивавшая их значимость, все-таки не стала той эпохой, когда герменевтика превратилась из технической проблемы в метафизическую. Не хватало полного понимания специфики того объекта, который требует истолкования, чтобы само истолкование превратилось в особую экзистенциальную реальность.

Необходимым условием для движения в этом направлении становится появление откровения нового типа, Откровения, выразившегося в священном тексте, за которым стоит та Личность, которая называет себя «Я есть Путь, Истина и Жизнь» (Ин. 14:6). Сама процедура понимания в этом случае становится не только эпистемологической проблемой, но и онтологической, так как истинность толкования является залогом спасения. Понимание природы души раннехристианскими авторами, хотя и описывалось преимущественно языком античной мысли, тем не менее отличалось по тем принципам «практик себя», которые пришли в мир вместе с библейским сознанием. Обращение было не просто одной из акциденций, которые переходили из потенциального в актуальное состояние у субстанции души, но оно полностью меняло эту субстанцию. В связи с этим истинность понимания текста, созданного высшей личностью, становится не только методологической, но и экзистенциальной проблемой.

Поскольку средневековое сознание сотериологично, оно необходимым образом христоцентрично. Понимание подлинной миссии Христа позволяет адепту следовать за ним сейчас, в момент актуальной удаленности от тех событий во времени. Принцип *Imago Christi* в этом случае становится не формальным, а реальным соположением себя и Спасителя в нашей непосредственной жизненной практике. Вместе с тем естественное стремление опираться на проверенные процедуры стало причиной того, что в Средние века формируется система авторитетных суждений Отцов Церкви, Вселенских Соборов, норм схоластической экзегетики, которые и являются отныне основой любого герменевтического предприятия. И эта система авторитетных отсылок скрыла от последующей культуры подлинную природу средневековой герменевтики.

Лишь в XIX столетии Шлейермахер раскрывает поэтическую сторону библейского языка, причем его описание природы понимания позволяет распространять принципы «технического» и «психологического» понимания текста на любое произведение. Напомним, что Шлейермахер жил в эпоху романтической философии, а для романтизма конечной «точкой сборки» смыслов художественного факта являлся его творец, вне зависимости оттого, в какой форме он выступал — персонифицированной (художник, поэт), или неперсонифицированной (народ). То есть герменевтика позволяла нам войти в диалог и с вдохновителем Писания (высшей личностью), и с народным «эго», не имеющим имени, но обладающим вполне выразительной и запоминающейся физиономией. Если первый диалог имел значение для личности религиозной, то второй позволял ответить на вопрос «кто я» в земном ракурсе — так как никто из нас не свободен от той народной почвы, на которой мы выросли. Нет никаких сомнений, что такой аспект «романтической герменевтики» потенциально связывает ее с различного рода национальными и почвенными формами философской мысли,

в частности, славянофильством в России. Однако эта связь в XIX столетии еще не осмысливалась в понятийном ряду, свойственном именно философской герменевтике. Тем не менее сам характер Писания делает герменевтику не просто литературоведческой процедурой. С этим связано требование точности и ответственности, которое является необходимым условием работы с библейским текстом, особенно для человека, включенного в традицию. В России прекрасно понимали эту ответственность, что было причиной преподавания герменевтики и создания учебных пособий по толкованиям Писания в XVIII–XIX вв. [Кожурин 2017, 466].

Обратившись к философскому наследию России XIX столетия, мы встречаемся с вполне очевидным фактом: когда отечественные ученые берутся за трудоемкий, но очень важный для российской культуры труд по переводу классических философских текстов, то «литературоведческая» сторона их деятельности дополняется рефлексией и над природой перевода, и над герменевтическими процедурами понимания. В качестве примера такого рода укажем классический перевод диалогов Платона, принадлежащий В.Н. Карпову. Для Карпова перевод Платона являлся делом, которое позволило ему утверждать: «славянорусс, кажется, по самому языку филолог, как Германец по языку философ, а Итальянец по языку поэт» [Карпов 1863, XXIV]. Пластичность русского языка является для него герменевтической реальностью, позволяющей избежать как подстрочных переводов, так и переводов «перифрастических», то есть пересказывающих оригинал современным языком. Язык выступает площадкой понимания, несмотря на все различия между его национальными вариантами, а его пластичность – это, по сути, то, что мы бы назвали «герменевтическим условием», то есть материей, которая способна абсорбировать и выражать искомые смыслы.

Вторым принципом перевода становится выстраивание смысловой иерархии между диалогами, определение в них ключевых, тех, где изложены основные идеи, и диалогов, где эти идеи эксплицируются на различном материале. В переводах Карпова полностью выдерживается принцип единства платоновского наследия. Язык, которым он передает оттенки мысли Платона, столь же един и «центрирован» вокруг убеждения переводчика в том, что его язык является «компромиссом» между языком риторической образованности (и художественной игры, свойственной образованным Афинам) и необходимостью выразить те концепции, которые требовали создания языка «кабинетного», то есть языка во многом искусственного. Перевод становится реконструкцией личного замысла Платона, его персональности.

Вместе с тем Карпов, судя по всему, не претендует на реконструкцию в духе Ф. Шлейермахера процесса возникновения платоновских текстов. Вопрос о хронологии их создания – это другая тема, актуальная и в наше время, связанная с попыткой восстановления консистентности наследия Платона. Карпов пытается воссоздать их смыслы, сделать их ясными и актуальными для российских читателей XIX столетия, или, используя образ Гадамера, осуществить слияние горизонтов понимания текста. И анализ переведенного текста позволяет Карпову высказать суждения о целом ряде предметов, которые до настоящего момента являются спорными и важными для платоноведения. Это – вопрос о природе диалоговой формы его произведений, соотношение устной и записанной сторон учения, возможные способы преподавания в Академии.

Наконец, можно предполагать, что опыт переводческой деятельности В.Н. Карпова имеет прямое отношение и к его философским воззрениям (где кантианские влияния смешивались со своеобразно понятым платоновским идеализмом), и к его пониманию сознания, которое дано в его «Вступительной лекции в психологию». Описание Карповым сознания выглядит достаточно интересно, хотя и не выходит за пределы текстов XIX столетия: «Сознание в природе человеческого духа есть факт, свидетельствующий о самом себе через самого себя; оно есть единственная непосредственность или единственное непосредственное явление, для познания которого не требуется ничто другое, кроме его самого, тогда как само оно, безусловно, требуется для познания всего другого <...> Сознание в формальном и реальном отношении есть начало не доказательное, а только указательное: озаряя тайники человеческого духа, оно этим самым как бы указывает в них на готовые уже явления и предшествует внутреннему опыту в его

наблюдениях, чтобы он не упустил из виду ни одного факта в существе, им исследуемом, и мог верно определить значение каждого из них» [Карпов 2013, 313–314].

Таким образом, сознание оказывает некоторым местом, где осуществляется понимание как часть душевной жизни. Собственно, именно в этом месте «психолог» способен будет раскрыть «феноменологию», «биологию» и «патологию души» [Карпов 2013, 339], то есть встретиться с самим ее бытием, скрытым до того момента, пока не будет совершена редукция (выражение, конечно, не Карпова) к сознанию как таковому. Отсюда еще далеко до настоящей философской феноменологии. Но нам представляется, что В.Н. Карпов был близок к постановке вопроса о понимании как «понимающем бытии», только выраженном в другой терминологии, свойственной историческому контексту и традиции, в которой воспитывался выдающийся российский мыслитель и переводчик.

Источники – Primary Sources in Russian

Карпов 2013 – *Карпов В.Н.* Вступительная лекция в психологию // Карпов В.Н. Сочинения. В 3 т. Т. 1. Мелитополь: Мелитополь, 2013. С. 308–339 [Карпов, Vasily N. *Introductory lecture in psychology* (in Russian)].

Карпов 1863 – *Карпов В.Н.* Предисловие ко второму изданию // Платон. Сочинения. Т. 1. СПб.: Странник, 1863. С. XXIII–XXX [Карпов, Vasily N. *Preface to the second edition* (in Russian)].

Ссылки – References in Russian

Кожурин 2017 – *Кожурин А.Я.* В.В. Розанов и герменевтическая традиция в России // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 465–476.

References

Kozhurin, Anton Y. (2017) 'V.V. Rozanov and the hermeneutics tradition in Russia', *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 33, 4, pp. 465–476 (in Russian).

Сведения об авторе

СВЕТЛОВ Роман Викторович – доктор философских наук, профессор, директор института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Author's information

SVETLOV, Roman V. – DSc in Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy of Man, the Herzen State Pedagogical University of Russia